

Ху Пэй взглянул на широкую спину Чао Цо, всё ещё стоявшего к нему задом, брезгливо поморщился и мысленно оценил его крепкую статью.

Подойдя к кувшину с вином, он ополоснул руки хмельной влагой, затем приподнял сосуд и сделал глубокий глоток. С непривычки Ху Пэй тут же зашелся в яростном кашле. Откашливался он долго, до хрипа, аж слезы выступили на глазах.

Чао Цо встревоженно обернулся, но подойти не решился. В голове навязчиво крутилась одна мысль.

«Мы так близко... Вдруг я ему противен?»

К тому же большая часть его внимания всё ещё была прикована к собственному телу — возбуждение внизу живота наотрез отказывалось утихать.

Ху Пэй тем временем перевел дух, сделал ещё один осторожный глоток и подержал вино во рту, привыкая к его терпкости. Почувствовав на себе пристальный взор Чао Цо, он сглотнул и холодно произнес:

— Ты проиграл. Тот кувшин — твой. Пей до дна.

Он отер рукой влажные губы и указал горлышком своего кувшина на соседний сосуд.

Чао Цо шумно сглотнул. Он во все глаза смотрел, как капли вина сбегали по изящному горлу Ху Пэя, исчезая под воротником одеяния. Едва утихшее вождение вспыхнуло с новой силой. Чао Цо облизал пересохшие губы, борясь с безумным желанием самому слизать эти капли с чужой кожи.

Ху Пэй скользнул насмешливым взглядом ниже его пояса, хмыкнул и ядовито процедил:

— Надо же, Чао Цо. Ты так залихватски рассуждал о заведении Цинхуа, а на деле... Неужто до сих пор девственник?

Чао Цо, как раз тянувшийся к кувшину, замер. Он так сильно стиснул зубы, что челюсти заныли. До чего же невыносимый тип!

Сорвав глиняную печать, он резко вскинул кувшин и принялся жадно, зло заглатывать вино. Оно лилось через край, щедро заливая его чиновничье платье. Ледяной хмель снаружи и обжигающий жар внутри помогли — парень наконец пришел в себя, а предательское возбуждение начало спадать.

Ху Пэй, понаблюдав за ним, подошел к высокому раскидистому бамбуку и устало опустил на

землю. Он пил медленно, маленькими глотками, глядя сквозь ажурную листву на далекое синее небо.

Вдали от душных кабинетов Четырёх управителей, вдали от Золотого дворца с его вечными интригами, грязью и изменчивой милостью правителей... Что оставалось у него на душе? Лишь пепелище. И эта бешеная скачка с Чао Цо, хмельное забвение под сенью бамбука — лишь попытка похоронить тоску в глубине своего сердца.

Переведя взгляд на захлебывающегося вином спутника, Ху Пэй негромко фыркнул:

— Будет с тебя. Иди сюда, присядь.

Чао Цо со стуком опустил кувшин и шумно выдохнул. Подойти ближе он не решался. Стоило возбуждению немного утихнуть, как хмель вновь разбередил воображение, раздувая тлеющий пожар внизу живота. Слегка косолапя, он подошел к соседнему стволу, уселся боком к Ху Пэю на приличном расстоянии и высоко поднял колени, прикрывая от чужих глаз свое смущающее положение.

Заметив эти неловкие ужимки, Ху Пэй больше не сдерживался и звонко расхохотался:

— Ха-ха-ха... Ой, Чао Цо, ну и уморительный же ты! Гляжу на тебя и вспоминаю, как ты давным-давно проезжал мимо Башни Бессмертных Облаков. Выглядел как ощипанный белый цыпленок, в одних только шелковых штанах в обтяжку, верхом на крошечном пони! Ха-ха-ха... Помню, у тебя и тогда в штанах подозрительно топорщилось!

Чао Цо несколько раз открывал рот, пытаясь огрызнуться, но от стыда и злости готов был сквозь землю провалиться. Отдуваясь, он снова припал к кувшину, глуша обиду вином. Впрочем, запала надолго не хватило. Сделав пару глотков, он со злостью выкрикнул:

— Да с твоим-то лицом, Ху Пэй! Покажи мне хоть одного мужчину или женщину в Поднебесной, у кого сердце при взгляде на тебя не екнет! Думаешь, у Сюаньюань Юэ на тебя слюнки не текли? Или у Сюаньюань Дуаня?!

Ху Пэй даже не подумал обидеться. Он всё так же улыбался, пока неторопливо отпивал из кувшина:

— Твоя правда. «В еде и плотских утехах — суть природы человека», да и «сытость рождает похоть» — так ведь древние мудрецы говаривали? Но ты, Чао Цо, совсем другое дело. Раньше ты меня терпеть не мог, а теперь... Всё это лишь буйство молодой крови, не более. Наберешься опыта, женишься на своей ненаглядной барышне Тянь И, тогда и научишься держать себя в руках.

Эти слова подействовали на Чао Цо отрезвляюще. И всё же в глубине души его злило, что Ху

Пэй поучает его точь-в-точь как Чао Ган. Но у Ху Пэя был удивительный дар: он умел говорить о самых неловких вещах так просто и обыденно, что они мгновенно теряли всякую постыдность.

Чао Цо промолчал. Однако разум его прояснился, словно чистое зеркало.

«Я смотрю на него, на мужчину, совершенно другими глазами. И сердце моё бьется иначе»

Его кроткая, исполненная изящества улыбка при выходе из академии, его дерзкий оклик, когда он преградил путь коню на улице, его прощальный взгляд у загородного павильона... Всё это давным-давно запечатлелось в памяти. Чао Цо и сам не заметил, как прекрасный девичий образ, когда-то мельком увиденный им на стене усадьбы, поблек и стерся. Его место занял Ху Пэй — каждое его слово, каждое движение, неповторимая стать и горделивая грация, опалившая саму душу.

Чао Цо покраснел. Запрокинув голову, он до дна осушил кувшин крепкого «Гоцзылана», хотя добрая половина хмельной влаги снова ушла в воротник.

Ху Пэй пил бережно, не проливая ни капли. Хоть он и вылил сначала немного, оставшегося вполне хватало, чтобы голова пошла кругом. За годы странствий Чао Цо привык к выпивке, и хмель не сразу брал его, но сейчас приятная истома наконец разлилась по телу. Поддавшись этому сладкому чувству, он поднялся, подошел к Ху Пэю и бесцеремонно уселся рядом, потеснив его у того самого бамбука:

— Слышь, Ху Пэй, а тебе самому-то какие девушки нравятся?

Чао Цо отобрал у него кувшин и потряс — пусто. Надо же, пил тихо, а уговорил всё до капли.

Лишившись опоры, Ху Пэй без сил уронил голову на плечо Чао Цо. Из-за разницы в росте его щека легла аккуратно на чужую ключицу. Юношеские плечи редко бывают широкими, но Чао Цо уродился богатырем — его спина и плечи уже сейчас казались надежными, как каменная стена.

Сквозь полуопущенные веки Ху Пэй туманно слушал, как над ухом бубнит Чао Цо, допытываясь, по душе ли ему нежные, кроткие девицы или же заботливые хозяйки... И вдруг на фоне пожелтевшей бамбуковой листы ему померещился силуэт белоснежного лиса с розовым носом, пушистым роскошным хвостом и алыми, как бусины, глазами.

— Фэйбай?... — пробормотал Ху Пэй.

Чао Цо удивленно скосил глаза на его губы, но в этот миг хмель окончательно ударил ему в голову, и он мгновенно провалился в глубокий сон.

Ху Пэй качнулся вслед за заваливающимся телом приятеля, но вместо земли наткнулся на невидимую, упругую преграду. Сонливость как рукой сняло. Он проморгался и действительно увидел перед собой лиса, чьим телом завладел разум Повелителя Грома.

— Ты как здесь оказался? — удивился Ху Пэй.

Повелитель Грома холодно посмотрел на спящего богатырским сном Чао Цо, затем перевел взгляд на покрасневшие щеки юноши. В его груди шевельнулось странное, раздражающее беспокойство, которое он поспешил подавить:

— Тебе нельзя сближаться со смертными. Ты перепишешь его судьбу. А искажение чужого рока неизбежно породит кармическое бедствие, которое обрушится на твою же голову. Разве ты не мечтал о долгой жизни? Если вмешаться в его предначертанный путь, то даже до совершеннолетия не дотянешь.

Ху Пэй мгновенно протрезвел. Опершись о бамбуковый ствол, он с трудом поднялся на ноги и, покачиваясь, посмотрел на безмятежно спящего Чао Цо. Тихо вздохнув, он ответил:

— Ты всё не так понял. Мы просто друзья. Сегодня он оказал мне услугу, вот мы и решили... выпить вместе.

Ху Пэй задействовал внутреннюю духовную силу, мягко приподнял тяжелое тело Чао Цо и перекинул его через седло вороного Хэйдяня. Заботливо обмотав поводья вокруг луки седла, чтобы всадник не сполз на землю, он негромко напутствовал лошадей:

— Дорогу вы знаете. Отвезите его в усадьбу Чао. Только не торопитесь, везите бережно.

Оба скакуна — и старый конь Чао Гана, и верный Хэйдянь — согласно зацокали копытами и неспешной рысью направились вниз по склону.

Ху Пэй опустил взгляд на белого зверя у своих ног, бережно поднял его на руки и ласково погладил по пушистой шерстке:

— Боишься, что я прогоню тебя, если испачкаешь лапы? Вот и притворяешься, будто бежишь по грязи, хотя на самом деле летишь в паре вершков над землей.

Повелитель Грома промолчал, лишь поудобнее устроился на его груди, мысленно заявляя права на этот личный уголок.

Спускаясь по тропинке, Ху Пэй продолжал тихо рассуждать:

— Если я не стану ни с кем сближаться, то проживу долго? И ты не утатишь мою душу в

Девять Преисподних или обратно в лисье тело?

— Не проживешь, — раздался в его голове бесстрастный голос. — Своим появлением ты уже изменил судьбы Ху Юньшэня и его супруги. Твой младший брат, Ху Пиннянь, по велению рока должен был родиться девочкой. А сколько ещё людей в усадьбе Ху, включая Ху Юньшань, затронуло твое появление?

Лис прищурился. Глядя на неспешный шаг Ху Пэя, он понял, что до заката они даже до Восточных ворот не доберутся, и применил заклинание сжатия земли.

В следующий миг пространство исказилось, и Ху Пэй очутился в глухом переулке у задних ворот усадьбы Ху. Выйдя на оживленную улицу, он как ни в чем не бывало вернулся домой.

На следующий день во время Великого утреннего приема шестой принц Сюаньюань Юэ официально обратился к императору Дигэну с прошением о женитьбе.

Верховный канцлер и Четверо управителей ещё накануне передали прошение, полученное от Чао Цо, так что прилюдное обращение было чистой условностью. Поскольку женатым принцам не полагалось оставаться во Дворце Вечного Спокойствия, шестому принцу позволили основать собственную резиденцию.

Император Дигэн рассудил, что восьмому принцу, Сюаньюань Дуаню, тоже пора обзавестись семьей. Спросив совета у Великого наставника и узнав, что его дочь благоволит к восьмому принцу, государь сочетал их браком. Таким образом, оба повзрослевших принца покинули императорские чертоги, чтобы зажить собственными домами.

После завершения приема Ху Пэй забрал из ведомства Четырёх управителей одобренные императором указы и направился в управу Шести министерств.

Проходя мимо ведомства командующего, он заметил Чао Цо. Тот стоял с обнаженным торсом, красуясь рельефными, литыми мускулами, и состязался с сослуживцами в поднятии каменных гирь. Ху Пэй ненадолго задержал шаг, как вдруг в толпе младших чинов поднялся переполох:

— Ой, господин младший управитель!.. Где моя рубаха?

— Пресвятые предки, срам-то какой... Живее, подайте халат!

— Спрячьте мое пузо... Скорее, прикройте меня!

Чао Цо с недоумением посмотрел на суесящихся и спешно прикрывающихся сослуживцев. Смахнув пот со лба, он подошел к Ху Пэю. В лучах полуденного солнца его крепкое, лоснящееся от легкой испарины тело казалось высеченным из бронзы:

— Ну и силен же ты смущать людей, — ухмыльнулся он. — Стоило тебе появиться, как все разом устыдились своего вида.

— Нынче многие военные переходят на чиновную службу, — спокойно ответил Ху Пэй. — Местная знать привыкла к утонченной, бледной красоте столичных книжников, оттого они так неловко себя и чувствуют. Но...

Ху Пэй не удержался и слегка ткнул пальцем в его упругую, широкую грудь. Чао Цо от неожиданности отшатнулся, а Ху Пэй, заглянув ему в глаза, серьезно добавил:

— Золотая столица — сердце империи. Если здесь останутся одни лишь хлипкие ученые мужи, кто встанет на защиту государства, когда племена моэ вновь хлынут на наши земли? Нам нужны как мудрые стратеги, так и сильные воины. Одно без другого не устоит.

Чао Цо машинально потер место прикосновения. Вспомнив вчерашнюю неловкость под бамбуком, он смущенно отвел взгляд:

— Зайдешь передохнуть?

— Пожалуй, откажусь, — усмехнулся Ху Пэй. — Не хочу вгонять твоих людей в еще большее уныние.

С этими словами он развернулся и направился в ведомство верховного канцлера.

Чао Цо долго смотрел вслед его стройной, прямой, точно молодой бамбук, фигуре. Сделав глубокий вдох, он расплылся в глупой, счастливой улыбке.

«Ему нравится моё тело... Черт возьми, ему нравится!»

Когда Ху Пэй скрылся за поворотом, младшие чиновники робко потянулись обратно. Ожидая увидеть смущение на лице молодого командира, они с удивлением обнаружили, что тот прямо-таки светится от радости. Один из них не удержался от вопроса:

— Господин Чао, неужто вам совсем не неловко? Вы ведь такой... крупный по сравнению с нашими изящными столичными господами.

Чао Цо лишь пренебрежительно фыркнул:

— Сила и крепкое телосложение — вот что красит мужчину. Разве эти хлипкие грамотеи смогут поднять хоть один каменный снаряд?

— Ой, господин Чао, — ухмыльнулся другой писарь. — Вы представьте, что эта гиля — ваша молодая супруга на руках, сразу дело веселее пойдет!

Двор огласился дружным хохотом. В голове Чао Цо тут же промелькнула шальная мысль: а что, если представить на месте гири Ху Пэя... От этого воображаемого образа в груди разлилось приятное тепло.

— А ну-ка, попробуем еще раз! — азартно крикнул он, увлекая сослуживцев обратно в ведомство.

Загоняя шумящую гурьбу внутрь, Чао Цо напоследок оглянулся на пустынную дворцовую аллею. Вся вчерашняя неловкость и глупый стыд растаяли без следа после мимолетной улыбки и легкого прикосновения Ху Пэя. В этом и заключалось его удивительное, обезоруживающее обаяние.

Незаметно наступил тридцать шестой год правления под девизом Дигэн.

Едва отгремели празднества в честь начала года и праздника Фонарей, как в усадьбе Ху закипели приготовления к свадьбе: восьмую сестру, Ху Юньшань, согласно её давнему желанию, выдали замуж за шестого принца Сюаньюань Юэ, который как раз обустроил свое новое поместье.

В то же время император Дигэн издал высочайший указ о проведении торжественной церемонии провозглашения пятого принца, Сюаньюань Хая, наследником престола. Спустя всего несколько дней после того, как восьмой принц ввел молодую жену в свой дом, долгожданный день коронации наконец настал.

Для Великого церемониймейстера Ху Юньшэня это была уже третья попытка подготовить торжество подобного масштаба. Если бы и в этот раз что-то пошло не так, почтенному старцу осталось бы только харкать кровью от досады и проситься на покой.